

и назначениях новых церковных иерархов, следует обзор войн с Русью¹ и сирийских походов Цимисхия; здесь же и в заключении помещены известия о возмущениях Фокадов, о чудотворной иконе, о новых церковных назначениях, о небесных знамениях и предсказанных ими бедствиях последних лет, приведших, по словам историка, Римскую империю к почти совершенной гибели. „История“ завершается сообщением о смерти Иоанна Цимисхия. Кроме того, Лев дважды возвращается к истории византийско-болгарских отношений в прошлом, приводя в одном случае рассказ о ранней истории болгар, а в другом — сообщение об Анхимальской битве, и один раз, напротив, забегают вперед, сообщая о неудачном восстании Варды Фоки и о походе императора Василия II против болгар, едва не окончившемся гибелью самого историка вместе с большей частью греческого войска.²

По своему мировоззрению автор „Истории“ вполне сын средневековья; он искренно верит в чудеса, о которых охотно и часто упоминает, восхваляет подвиги христианского аскетизма, не упускает случая выразить похвалу императорам за заботы о строительстве и украшении храмов, боится ведовства, верит предсказаниям и приметам, особенно астрологическим. Это человек ограниченный, любящий блеснуть своими далеко не обширными познаниями. Иногда он приводит довольно объемистые исторические экскурсы, иногда мифологические замечания, причудливо пересыпанные цитатами из Гомера и из библии, порой включает в свой труд целые рассуждения на естественно-научные темы, но чаще всего дает краткие географические или исторические справки — об истоках рек или об основаниях городов. Лев не чужд и нравоучительных тенденций; его морализирующие поучения обычно сводятся к рассуждениям об изменчивости человеческого счастья, но местами они превращаются в целый назидательный рассказ. Мир его узок, представления о природе наивны; Льва привлекает все необычное: уродливые близнецы, землетрясения, затмения солнца, появление комет, падение метеоров, даже сильный дождь. Образование его, в общем, довольно поверхностно, начитанность невелика: она ограничена пределами сведений, почерпнутых из библейских книг, Гомера и историков VI в., т. е. произведений, служивших в то время обычными школьными пособиями. По словам его первого издателя, ничто не позволяет заключить, что Лев знаком с Фукидидом, Полибием или Плутархом; незаметно и влияние Геродота, на которого историк ссылается в начале своего труда.³

Язык „Истории“ напыщен, часто неясен, стиль насыщен тяжеловесными метафорами и описательными оборотами; Лев всячески стремится избегать обиходных слов и простонародных выражений. Этот стиль, как и некоторые неправильности речи, не являются личными особенностями историка; они характерны и для других „полуобразованных византийцев“.⁴ Следуя античной традиции, усвоенной и византийскими учеными, Лев часто вводит в текст вымышленные речи (по подсчету одного из исследователей, они составляют около шестой части всего

¹ Leo Diac., p. 102.22—111.16; 124.22—126.9; 128.8—145.8; 147.23—159.9, ср. также стр. 63.5—13.

² Там же, стр. 103.18—104.23 и 122.16—124.21, также стр. 169.14—176.13.

³ Там же, стр. 5.20—21; ср. Nasii praefatio, p. XX и K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267.

⁴ Nasii praefatio, p. XIX—XXI, его примечания на стр. 469—470, 485, 489 и др.; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 268; также Д. И. Иловайский. История России, т. I, изд. 2-е, М., 1906, стр. 685; Н. П. Благоев. Критичен поглед върху известията на Льва Дякон, МП, год. 6, 1930, кн. 1, стр. 25.